

Политическая лингвистика. 2026. № 3 (117).
Political Linguistics. 2026. No 3 (117).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Вера Юрьевна Кузнецова^{1,3✉}, **Марина Владимировна Полубоярова**^{2,4✉}

^{1,2} Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны России, Москва, Россия

³ vera087@mail.ru✉, SPIN-код: 3742-7040

⁴ Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, mvp1410@gmail.com✉, SPIN-код: 5540-4823

Нарративная эволюция образа Д. Трампа в вербально-визуальном медиадискурсе

АННОТАЦИЯ. Представленная статья посвящена анализу нарративной эволюции образа 47-го президента США Д. Трампа в вербально-визуальном медиадискурсе. Актуальность исследования обусловлена ростом влияния вербально-визуальных форм (карикатура, мем, инфографика) в современной политической коммуникации, а также способностью медийных образов выступать самостоятельным инструментом идеологической борьбы, переформатируя восприятие сложных явлений через сжатые метафорические образы. Доказывается, что современное изучение медиадискурса требует синтеза положений медиалингвистики, когнитивной лингвистики, теории дискурса и семиотики культуры. В статье представлен многоаспектный анализ двух мультимодальных карикатур, взятых из журнала «The Economist», с целью определения смысловых якорей, доминирующих фреймов, политического и культурного контекста, семиотических кодов, а также смысловых центров, вокруг которых организуется восприятие и конструирование образа Д. Трампа. Ключевым механизмом смыслообразования в анализируемых карикатурах выступает развернутая визуальная метафора, переводящая абстрактные понятия в конкретные код. Принципиально значима для формирования критической позиции зрителя композиционная организация карикатуры в форме последовательного нарратива (от первого кадра к последнему). В рамках карикатуры подвергаются семантической перенастройке традиционные культурные архетипы, которые в норме ассоциируются с защитой, силой и доблестью, что становится механизмом дегероизации. Рассмотренные карикатуры эксплицируют критику персонализации государственной политики. Проведенный анализ подтверждает, что карикатура обладает мощным манипулятивным потенциалом, но направляет его не на скрытое внушение, а на критическое разоблачение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, журналистика, медиалингвистика, средства массовой информации, медиатексты, медиадискурс, английские СМИ, язык СМИ, языковые средства, медиаобразы, американские президенты, политическая карикатура, нарративная эволюция, вербально-визуальный образ, фреймы, семиотический код, мультимодальность, смысловый якорь.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Кузнецова Вера Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент 33 кафедры, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны России, Москва, Россия, email: vera087@mail.ru.

Полубоярова Марина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой перевода и практики перевода английского языка, переводческий факультет, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; доцент 33 кафедры, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны России, Москва, Россия, email: mvp1410@gmail.com

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кузнецова, В. Ю. Нарративная эволюция образа Д. Трампа в вербально-визуальном медиадискурсе / В. Ю. Кузнецова, М. В. Полубоярова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 3 (117). — С. 83-92.

Vera Yu. Kuznetsova^{1,3✉}, **Marina V. Poluboyarova**^{2,4✉}

^{1,2} Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia

³ vera087@mail.ru✉, SPIN code: 3742-7040

⁴ Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, mvp1410@gmail.com✉, SPIN code: 5540-4823

Narrative Evolution of D. Trump's Image in Verbal-Visual Media Discourse

ABSTRACT. The presented article analyzes the narrative evolution of the image of the 47th President of the United States D. Trump in the verbal-visual media discourse. The relevance of the research can be attributed to the growing influence of verbal-visual forms (cartoon, meme, infographics) in modern political communication, as well as the ability of media images to act as an independent tool of ideological struggle, reformatting the perception of complex phenomena through compressed metaphorical images. It is argued that the modern study of media discourse requires a synthesis of the ideas of media linguistics, cognitive linguistics, theory of discourse, and semiotics of culture. The article presents a multidimensional analysis of two multimodal cartoons taken from The Economist in order to identify the semantic anchors, the dominant frames, the political and cultural context, the semiotic codes, as well as the semantic centers around which the perception and construction of the image of Trump is organized. A detailed visual metaphor that translates abstract concepts into a con-

© Кузнецова В. Ю., Полубоярова М. В., 2026

crete code functions as the key mechanism of meaning formation in the cartoons under analysis. The compositional organization of a cartoon in the form of a continued narrative (from the first frame to the last) is fundamentally important for the formation of the viewer's critical position. Within the framework of a cartoon, traditional cultural archetypes that are normally associated with protection, strength and valor, are subject to semantic reconfiguration, which becomes a mechanism of deheroization. The considered cartoons explicate the criticism of personalization of public policy. The analysis confirms that the cartoon possesses a powerful manipulative potential, but directs it not at hidden suggestion, but at critical exposure.

KEYWORDS: political discourse, political texts, journalism, media linguistics, mass media, media texts, media discourse, English media, mass media language, language means, media images, American presidents, political cartoon, narrative evolution, verbal-visual image, frames, semiotic code, multimodality, semantic anchor.

AUTHOR'S INFORMATION: Kuznetsova Vera Yur'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department 33, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia.

Poluboyarova Marina Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Translation Studies and Practice of Translation of the English Language of the Faculty of Translation, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; Associate Professor of Department 33, Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

FOR CITATION: Kuznetsova V. Yu., Poluboyarova M. V. (2026). Narrative Evolution of D. Trump's Image in Verbal-Visual Media Discourse. In *Political Linguistics*. No 3 (117), pp. 83-92. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Современный медийный дискурс выступает одной из ключевых площадок, на которых актуализируются и трансформируются образные модели осмысления социальной реальности. В условиях цифровизации, мультимедиализации и глобализации медиа именно здесь формируются новые сценарии и визуально-вербальные конструкции, определяющие коллективное видение мира [Абрамова 2014; Андреева 2025; Ковалев 2026]. Теоретическое осмысление эволюции образной парадигмы в медийном дискурсе требует синергии положений медиалингвистики, когнитивной лингвистики, теории дискурса и семиотики культуры [Abd Ali 2025].

Цель данной статьи — определить факторы и направления эволюции образных конструкций в современной медиасфере и показать, как медийный дискурс перераспределяет моделирующий потенциал образов.

Актуальность работы обусловлена, во-первых, ростом влияния визуально-вербальных форм (карикатура, мем, инфографика) в современной политической и экономической коммуникации; во-вторых, способностью медийных образов выступать самостоятельным инструментом идеологической борьбы, переформатируя восприятие сложных явлений (например, протекционизма) через сжатые метафоры; в-третьих, отсутствием междисциплинарной модели, объясняющей, как образы из разных сфер обретают иные политические смыслы в новых форматах (многопанельный комикс-нарратив).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В рамках медиалингвистики медийный (массмедийный) дискурс определяется как функционально обусловленный тип дискурса, понимаемый как совокупность речевых прак-

тик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия [Ковалев 2026]. Это не только тексты СМИ, но и совокупность контекстов их производства, распространения и восприятия, включающая участников коммуникации, каналы, институциональные условия, идеологические и культурные установки.

С опорой на структурный, функциональный и тематический подходы медийный дискурс рассматривается как система, в которой медиатекст выступает базовой дискретной единицей, а взаимодействие вербального и визуального кодов задает особые условия для формирования образности [Андреева 2025]. При этом медиатекст трактуется как актуализированное в определенном медиаформате сочетание вербальных и медиальных знаков, объединенных общим смыслом [Tsakona 2009].

Появление медиалингвистики как самостоятельного направления связано с осознанием принципиально новой роли СМИ в формировании языковой нормы и языковой картины мира, а также с необходимостью описывать язык в условиях его взаимодействия с иными семиотическими системами. Медиалингвистика ориентирована на комплексное изучение языка в медиа, его структурных, функциональных и культурных характеристик, а также на анализ медиатекста как поликодового образования.

В рамках медиалингвистики формируется медиальная парадигма исследований, смещающая фокус с чисто когнитивных и прагматических аспектов на анализ оформленности смыслов, то есть на медиальность как способ материальной выраженности информации и привязанность смысловыражения к определенному формату. Такой подход делает принципиально значимым вопрос

о том, как именно формат (телевидение, онлайн-платформа, социальная сеть, новостной портал и др.) влияет на характер образных решений.

Медиаальность трактуется как универсальное свойство всех форм материального проявления знаков, а не только как технически осложненный канал передачи информации. Она описывает оформленность смысла, его закреплённость в определенном медиальном формате (печать, экран, звук, мультимедиаальный комплекс) и обусловленную этим специфику кодирования и декодирования сообщений [Ковалев, 2026].

Современный этап развития лингвистики отмечен «медиальным поворотом», то есть смещением исследовательских акцентов от преимущественно прагматического анализа к изучению того, как медиальный формат влияет на порождение и интерпретацию смысла. Гетерогенность и гибридность медиатекстов, их поликодовый характер (слово — изображение — звук) усиливают роль визуального компонента в формировании образности и трансформируют традиционные вербальные тропы.

Поликодовость медийного дискурса создает условия для конструирования комплексных образов, в которых вербальный образ соотносится с визуальными метафорами и графическим оформлением [Van Leeuwen 2011]. В результате меняются и сами механизмы образной деривации: зна-

чимым становится не только перенос значения в рамках языка, но и взаимодействие разных знаковых систем в едином медиальном пространстве.

В современной когнитивной лингвистике образ рассматривается как результат работы фреймовых структур, базовой категоризации и апперцепции, то есть зависящего от предшествующего опыта восприятия предметов и явлений [Абрамова 2014]. Образ выполняет функцию систематизатора, параметра онтологии, поскольку через образные модели субъект структурирует пространство, время и социальную реальность.

Когнитивный механизм образа включает аппликацию фреймов по совпадающим слотам, когда разные тематические области сопоставляются на основе общей признаковой структуры. В медийном дискурсе эти модели получают массовое распространение и закрепляются в коллективном сознании, превращаясь в устойчивые медиаконцепты и стереотипные сценарии интерпретации событий.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках исследования были проанализированы 2 карикатуры, взятые из журнала *The Economist*. Анализ строился по следующему принципу: каждое изображение рассматривалось как мультимодальный нарратив.

Рассмотрим каждый пример подробнее.

Рис. 1. The Economist¹ (24.03.2025)

¹ https://www.economist.com/content-assets/images/20250208_WWD000.png (дата обращения: 03.05.2026).

Данная карикатура является ярким примером сюжетной динамики. Карикатура строится вокруг образа MAGA MAN. Интересно, что MAGA — это аббревиатура, означающая “Make America Great Again”. Дональд Трамп представлен псевдосупергероем. Уже в первом кадре столетний конфликт на Ближнем Востоке сводится к комиксной формуле «sounds like a job for... MAGA MAN», то есть историческая трагедия переводится в жанр супергеройского спасения. Главный сатирический ход в том, что супергерой здесь не спасает уязвимых, а предлагает насильственное «решение» через выметание двух миллионов палестинцев из Газы (второй кадр) и замену живого пространства на курортную «Riviera» (третий кадр), то есть гуманитарная катастрофа превращается в девелоперский проект.

Метафора работает в двух регистрах одновременно. С одной стороны, это пародия на американские истории о супергероях, которые прилетают и одним действием устраняют хаос; с другой — это критика бизнес-логики президента США, где территория мыслится не как дом людей, а как объект зачистки и перепрофилирования. Поэтому центральный образ карикатуры можно определить как «супергерой-девелопер», у которого моральная миссия полностью подменена логикой недвижимости, расчистки и монетизации пространства.

Композиционно изображение устроено как шестикадровый газетный комикс, где смысл рождается не из одного кадра, а из последовательности превращений: от размышления к героизации, от героизации к насилию, от насилия к самодовольному триумфу, а затем к ироническому обнулению всей сцены. Первый кадр дает крупный план лица Трампа в позе задумчивости, и это важно: карикатура начинает не с действия, а с ментального акта присвоения проблемы, показывая, что вмешательство рождается из самоуверенной фантазии субъекта. Во втором кадре фигура уже переходит в супергеройский режим, а огромная надпись “MAGA MAN” визуально захватывает пространство.

Третий кадр — композиционный центр всей карикатуры. Здесь Трамп показан в движении с гигантской щеткой или метлой, которой он буквально сметает маленькую массу людей, и именно масштабное несоответствие между огромной фигурой героя и «микроскопической» толпой создает эффект дегуманизации: палестинцы превращены в мусороподобный визуальный материал, который можно убрать одним жестом. Четвертый кадр продолжает эту логику, но переводит ее из языка вытеснения в язык застрой-

ки: герой указывает рукой на новую «Riviera», а внизу появляются здания, вода и курортная среда, так что насилие получает финальную форму через эстетику благоустройства.

Пятый кадр с репликами “Problem solved!” и “You’re welcome...” закрепляет образ самодовольного супергероя-спасителя. Но шестой кадр полностью меняет тональность: слоган “Remember... if you need a simple solution to your problems... call MAGA MAN!” имитирует рекламную мораль, после чего внизу следует короткий диалог: “Did you call him?” — “Nobody did...”. Именно эта концовка разрушает весь миф о героическом вмешательстве и показывает, что перед нами не ответ на запрос о помощи, а незваное, самоназначенное вторжение.

Образ Трампа построен как карнавальная гибридизация политика и супермена. У него есть плащ, маска и эмблема “M” на груди, но тело не героизировано классическим образом: оно грузное, массивное, с подчеркнутым животом и тяжелой походкой, поэтому фигура выглядит не благородным спасителем, а гротескным носителем грубой силы. Эта телесная форма важна, потому что она совмещает два кода — супергеройский и клоунский, из-за чего сила героя сразу приобретает оттенок нелепости и опасной самоуверенности.

Щетка в третьем кадре — один из самых сильных символов карикатуры. Это не оружие в военном смысле и не дипломатический инструмент, а бытовой предмет уборки, который переводит миллионы людей в разряд загрязнения, подлежащего выметанию. Тем самым карикатура показывает не просто жесткость решения, а именно его дегуманизирующий язык, где человеческая масса становится пылью, сором или мусором на территории, которую надо подготовить к новой функции.

Надписи работают как классические якоря смысла. Формулы “sweep two million Palestinians out of Gaza”, “replace them with the Riviera” и “Problem solved!” направляют интерпретацию так, чтобы зритель не мог прочесть сцену нейтрально: текст прямо связывает супергеройское действие с насильственным переселением, коммерческой заменой населения и самодовольной риторикой решения проблемы. Последняя реплика “Nobody did...” особенно важна, потому что она разрывает жанровую оболочку комикса и вводит критический голос свидетелей, показывая, что такой герой никому не нужен.

Карикатура конструирует фрейм «опасного упрощения». В этом фрейме сложнейший колониальный, национальный, гумани-

тарный и военный конфликт описывается как управленческая задача, для которой достаточно решительного человека, грубого инструмента и коммерческого воображения. То есть картинка атакует не только конкретную политическую фигуру, но и сам тип мышления, в котором историческая трагедия редуцируется до проблемы «неэффективного использования территории».

Нарратив изображения движется по логике ложной эффективности. Сначала зрителю предлагают знакомую схему супергеройского спасения, затем демонстрируют действие, потом быстрый результат и благодарность, но финальный диалог показывает, что вся эта цепочка основана на самовольном присвоении права решать за других. В результате карикатура разоблачает популистскую модель лидерства: лидер не спрашивает, чего хотят затронутые люди, а сам определяет, что для них якобы является «простым решением».

Семиотически здесь сталкиваются два кода: код спасения и код вытеснения. Внешне Трамп оформлен как супергерой, но его реальные действия соответствуют не спасателю, а стороннику депортации и пространственной зачистки. Именно это расхождение создает сатирическое напряжение: чем сильнее карикатура подражает супергеройскому жанру, тем очевиднее становится, что под маской спасения скрывается насильственное инженерное мышление.

Политический смысл карикатуры связан с восприятием Трампа как лидера, склонного предлагать максимально прямолинейные, эффектные и медийные ответы на сложные международные кризисы. Изображение особенно едко связывает такую политику с девелоперским бизнес-мышлением: Газа в карикатуре понимается не как пространство страданий и выживания, а как прибрежная площадка, которую можно очистить и превратить в «Ривьеру». Тем самым критика направлена на коммерциализацию геополитики, когда право людей на место и историю стирается ради воображаемой экономической рентабельности.

Манипулятивный потенциал карикатуры высок, потому что она работает через резкие визуальные сокращения и эмоциональные контрасты. Маленькие безликие фигуры, которых сметают щеткой, мгновенно переводят зрителя на сторону жертвы, а самодовольная улыбка героя закрепляет моральную оценку происходящего как циничного и бесчеловечного. При этом финальная шутка “Nobody did...” не просто завершает сюжет, а делает из всей карикатуры предупреждение против харизматического вмешательства без запроса, согласия и признания субъектности тех, чью судьбу собираются «урегулировать».

Не менее интересна и вторая карикатура.

Рис. 2. The Economist¹ (17.01.2017)

¹ https://www.economist.com/img/b/595/407/90/sites/default/files/images/2017/01/articles/main/20170128_wd000.jpg (дата обращения: 03.05.2026).

В основе карикатуры лежит развернутая визуальная метафора, в которой протекционизм репрезентируется как система рыцарских доспехов, надеваемых Дональдом Трампом в контексте риторики защиты национальных интересов. Данный образ переводит современную торгово-экономическую политику в архаический военно-феодальный код, тем самым подчеркивая анахроничность и демонстративную грубость предлагаемых методов. Протекционизм в этой логике предстает не как рациональный инструмент экономического регулирования, а как тяжело-весная оборонительная оболочка, которая символически обещает безопасность, но фактически ограничивает подвижность и адаптивность политического субъекта.

Смыслообразующим является и сам процесс облачения, показанный в форме последовательного комиксного нарратива. Карикатура не изображает уже готового героя, а акцентирует внимание на стадии сборки образа, что позволяет интерпретировать протекционистскую политику как искусственно сконструированный перформанс силы. Тем самым визуальная метафора строится не только на аналогии «доспех => защита», но и на идее политической инсценировки, в которой защита Америки оформляется как спектакль мобилизации.

Композиция карикатуры организована как последовательность, в которой нарастает визуальная тяжесть и уменьшается степень автономии центрального персонажа. Первый кадр сохраняет относительную близость к современному политическому образу: Трамп показан в костюме, а рядом располагается табличка “Fighting for America!”, задающая исходный патриотический фрейм. Однако в последующих кадрах фигура постепенно поглощается металлическими элементами (доспехи, шипы, щит, шлем), вследствие чего тело лидера США почти исчезает внутри символической оболочки.

Такое композиционное развитие имеет принципиальное значение. Карикатура движется не к героической кульминации, а к возрастающему абсурду, поскольку каждый новый элемент доспеха усиливает не способность к действию, а зависимость персонажа от внешней поддержки. Визуальная логика произведения строится на парадоксе: чем более защищенным выглядит герой, тем менее он оказывается самостоятельным.

Особую роль играет предпоследний кадр, где фигура Трампа подвешена на цепях. В этой сцене тело окончательно утрачивает черты активного субъекта и превращается в груз, который необходимо перемещать с помощью механизма. Тем самым протекцио-

низм представлен как форма самопарализующей тяжести, а политический язык защиты переводится в образ технически обслуживаемой неподвижности.

В карикатуре Трамп представлен как средневековый рыцарь, однако этот образ не героизируется, а подвергается систематической дегероизации. Его фигура массивна, телесно перегружена и лишена пластичности, а доспех не организует тело, как это происходит в традиционной воинской иконографии, а, напротив, усиливает впечатление неповоротливости и механической тяжело-весности. В результате перед зрителем возникает не образ доблестного защитника, а образ правителя, который надевает на себя символы силы как политический костюм.

Значимым элементом является трансформация прически. Этот прием интегрирует его медийно узнаваемую внешность в структуру военного облачения и тем самым указывает на неразрывность политического действия и самобрендинга. Даже в момент максимальной милитаризации фигура не теряет своей персональной маркировки, что позволяет интерпретировать карикатуру как критику персонализации государственной политики.

Аналогичную функцию выполняет буква “Т”, нанесенная на щит и корпус доспеха. Она переводит экономическую стратегию из плоскости институционального решения в плоскость индивидуального политического. Тем самым карикатура показывает, что политика защиты национальной экономики представлена не как безличный государственный курс, а как персонифицированный проект лидера.

Сопутствующие персонажи, изображенные в уменьшенном масштабе, выполняют функции оруженосцев и обслуживающего персонала. Они надевают на Трампа элементы брони, поддерживают его тело и обеспечивают саму возможность превращения в «героя», вследствие чего образ сильного лидера оказывается продуктом коллективного внешнего труда. Таким образом, карикатура подрывает миф о самодостаточности политического субъекта: чем внушительнее выглядит центральная фигура, тем очевиднее ее зависимость от подпорок и посредников.

Уменьшенный масштаб этих фигур имеет дополнительную семиотическую функцию. С одной стороны, он визуально увеличивает монументальность Трампа; с другой, делает сцену облачения почти театральной, превращая ее в ритуал сборки тяжелой декорации. В результате сила оказывается не естественным свойством героя, а эффектом постановки.

Особого внимания заслуживает шлем. Он завершает процесс милитаризации фигуры, но одновременно символизирует ограничение обзора, то есть когнитивную редукцию мира до узкой щели оборонительного восприятия. В таком прочтении протекционизм изображается не только как экономическая изоляция, но и как форма политической слепоты.

Финальная панель вводит образ быка с надписью "PROTECTIONISM", на котором восседает Трамп. В семиотическом отношении этот образ является многослойным: бык может обозначать грубую силу, упрямство и прямолинейный напор, но также способен отсылать к экономическому символизму рынка и финансовой энергии. Карикатура использует эту амбивалентность для того, чтобы показать протекционизм одновременно как агрессивную политическую доктрину и как попытку оседлать саму экономическую динамику.

Однако надпись на попоне снимает возможную неоднозначность интерпретации. Животное выступает не просто средством передвижения, а воплощением самой идеологии, которая становится носителем политического движения вперед. Вместе с тем визуальная тяжесть быка и столь же тяжелая фигура всадника создают впечатление нестабильного и внутренне напряженного союза, в котором доктрина и лидер взаимно утяжеляют друг друга.

Текстовые элементы карикатуры выполняют функцию якорения интерпретации. Табличка "Fighting for America!" задает нормативный фрейм патриотической защиты, в рамках которого последующее облачение должно восприниматься как легитимная оборонительная мобилизация. Однако визуальный ряд последовательно подрывает этот фрейм, демонстрируя чрезмерность, театральность и функциональную сомнительность такой защиты.

Реплика "onward!" в финальном кадре также работает как иронический вербальный маркер. В отрыве от визуального контекста она могла бы означать решимость и наступательное движение, однако после сцен подвешивания, поддержки и сборки превращается в выражение самоуверенности, не подкрепленной реальной автономией. Тем самым слово вступает в напряжение с изображением и усиливает сатирический эффект.

Карикатура формирует фрейм архаизированной защиты, в рамках которого современная торговая политика представляется как возвращение к логике осады, брони и жесткого внешнего разграничения. Мир в этом фрейме мыслится как враждебное пространство, от которого необходимо физиче-

ски экранироваться, тогда как торговля и взаимозависимость кодируются как источник угрозы. Карикатура, в свою очередь, демонстрирует внутреннюю несостоятельность такого подхода, показывая, что наращивание символических средств защиты ведет не к усилению, а к обездвиживанию.

Нарратив произведения строится по модели дегероизации. Исходный патриотический импульс постепенно разрушается последовательностью образов, в которых герой утрачивает самостоятельность, превращается в груз и лишь в финале получает видимость готовности к действию. Однако эта финальная готовность оказывается ложной, поскольку зритель уже видел, какой ценой она достигнута и насколько искусственной является ее материальная основа.

Политический контекст карикатуры связан с риторикой Дональда Трампа о защите американской промышленности, критикой свободной торговли, тарифной политикой и более широким лозунгом "America First". Карикатура переводит эти установки в язык визуальной аллегории, представляя их как возврат к архаическим моделям обороны и силового самоощаждения. В этом отношении изображение отражает характерную для либерально-глобалистской прессы критику протекционизма как политики, ограничивающей гибкость экономики и подменяющей сложные международные связи риторикой конфронтации.

Манипулятивный потенциал карикатуры связан с использованием легко считываемых культурных архетипов — рыцаря, щита, шлема, оруженосцев и быка. Эти символы изначально ассоциируются с защитой, силой и наступательным потенциалом, однако в рамках данного изображения они семантически перенастраиваются и начинают обозначать перегрузку, зависимость и политическую архаику. В результате карикатура не просто вербально критикует протекционизм, а визуально конструирует его как тяжелую броню прошлого, которую современная экономика способна нести лишь ценой собственной подвижности.

ВЫВОДЫ

В таблице 1 ниже обобщены ключевые категории, определяющие смысловую архитектуру представленных выше карикатур: смысловый якорь (центральная идея, удерживающая интерпретацию), доминирующие фреймы (когнитивные рамки осмысления), политический и культурный контекст, задействованные семиотические коды, а также смысловые центры, вокруг которых организуется восприятие.

Таблица 1

Критерий	Карикатура 1	Карикатура 2
Смысловой якорь	Ироничная критика упрощенного («супергеройского») решения сложного геополитического конфликта (век конфликта на Ближнем Востоке) через этнические чистки и псевдодевелопмент («Ривьера»). Абсурдное предложение «сместить 2 миллиона палестинцев» ради курортного проекта.	Протекционизм как тяжеловесная оборонительная оболочка (архаичные доспехи), которая обещает безопасность, но ограничивает подвижность и адаптивность.
Фрейм	1. Супергеройский фрейм (пародия на комиксы про «супермена» => «MAGA Man»). 2. Ризлторско-девелоперский фрейм («Ривьера», замена населения на инфраструктуру). 3. Фрейм «простого решения» (одно действие решает вековой конфликт).	1. Архаизированной защиты / военно-феодальный (возврат к логике осады, брони и жесткого внешнего разграничения). 2. Перформанса силы / политической инсценировки («...политика защиты оформляется как спектакль мобилизации»). 3. Дегероизации (путь не к кульминации, а к абсурду и обездвигиванию).
Контекст	Современный политический дискурс (особенно ультраправый и изоляционистский дискурс, ассоциируемый с лозунгом «MAGA»). Отсылка к реальным предложениям по «зачистке» Газы и превращению ее в курортную зону, звучавшим в некоторых политических заявлениях. Контекстуально важно, что «никто не звал» такого героя.	Политическая риторика Дональда Трампа (лозунги «Fighting for America!», «America First»), тарифная политика и критика свободной торговли. Карикатура отражает критику протекционизма со стороны либерально-глобалистской прессы как политики, подменяющей сложные международные связи конфронтацией и ограничивающей гибкость экономики.
Семиотический код	1. Визуально-риторический код (имитация обложки комикса, динамичные глаголы, восклицания, типичные для панелей супергероев). 2. Политический код (MAGA => маркер конкретной идеологии; «Палестинцы» vs «Ривьера» => маркер колониального/девелоперского взгляда). 3. Сатирический код (преувеличение => «выметет», ироничное «problem solved», разрыв между ожидаемым решением и этической реальностью).	1. Визуально-аллегорический код (доспехи, шипы, щит, шлем, цепи, бык). 2. Архаический военно-феодальный код (рыцарь/оруженосец => современная торговая политика). 3. Персоналистский код (буква «Т» на щите и корпусе; узнаваемая прическа Трампа => экономическая стратегия как индивидуальный проект лидера). 4. Театрально-ритуальный код («ритуал сборки тяжелой декорации», уменьшенные фигуры обслуживающего персонала).
Смысловые центры	1. «MAGA Man» является пародийным центром ложного спасения и упрощения. 2. «Сместить 2 млн палестинцев» — центр этического шока/насилия, спрятанного в рутину «работы героя». 3. «Ривьера» — центр потребительской утопии, которая должна заменить человеческую трагедию. 4. «Nobody did...» — центр реальности: запроса на такое «решение» нет, оно отвергается даже в логике мира комикса.	1. Фигура Дональда Трампа (от современного политика до обездвигивного груза на цепях и всадника на быке). 2. Доспехи / броня (символ протекционизма, самопарализующей тяжести и когнитивной редукции: «шлем ограничивает обзор»). 3. Процесс облачения / сборки (искусственная конструкция силы; зависимость сильного лидера от коллективного внешнего труда). 4. Бык с надписью «PROTECTIONISM» (амбивалентный символ грубой силы, упрямства, но также и экономической динамики, которую пытаются оседлать). 5. Цепи и подвешивание (утрата автономии, протекционизм как технически обслуживаемая неподвижность).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ двух карикатур из журнала *The Economist* позволяет сделать ряд выводов, значимых для понимания того, как современный медийный дискурс конструирует и трансформирует образные парадигмы политической реальности.

Во-первых, исследование показало, что ключевым механизмом смыслообразования в анализируемых карикатурах выступает развернутая визуальная метафора, переводящая абстрактные понятия в конкретный код.

Во-вторых, композиционная организация карикатуры в форме последовательного нарратива (от первого кадра к последнему) принципиально значима для формирования критической позиции зрителя.

В-третьих, анализируемый материал убедительно иллюстрирует механизм дегероизации средствами визуальной семиотики. Традиционные культурные архетипы, которые в норме ассоциируются с защитой, силой и доблестью, в рамках карикатуры подвергаются семантической перенастройке.

В-четвертых, карикатуры эксплицируют критику персонализации государственной политики.

В-пятых, проведенный анализ подтверждает, что карикатура обладает мощным манипулятивным потенциалом, но направляет его не на скрытое внушение, а на критическое разоблачение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамова, Е. С. Массмедийный дискурс: сущность и особенности / Е. С. Абрамова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 12-1(42). — С. 17–19. — EDN SYECAY.
2. Андреева, Е. Ю. Дональд Трамп в зеркале русскоязычных медиа: фреймирование, поляризация и формирование общественного мнения / Е. Ю. Андреева // Политическая лингвистика. — 2025. — № 5. — С. 19–24. — EDN TQWIAH.
3. Денисова, Г. Л. Категория времени в политической карикатуре / Г. Л. Денисова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. — 2018. — № 53. — С. 51–69. — EDN YLAHLN.
4. Ковалев, Н. А. Концепт COLD WAR в визуальном англоязычном политическом дискурсе: семиотическая репрезентация и прагматика интернет-мемов и политической карикатуры (2020–2025 гг.) / Н. А. Ковалев // Филологические науки в МГИМО. — 2026. — Т. 12, № 1. — С. 8–28. — DOI 10.24833/2410-2423-2026-1-46-8-28. — EDN EWQLIW.
5. Новак, Д. В. Формирование медиаобраза политика / Д. В. Новак // Молодой ученый. — 2024. — № 17 (516). — С. 380–382. — EDN QKTJXF.
6. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва: Флинта, 2006. — 256 с. — ISBN 5-89349-897-6. — EDN SDQKXT.
7. Abd Ali, H. N. A Multi-modal Critical Discourse Analysis of Selected English Political Cartoons / H. N. Abd Ali // Journal of College of Education. — 2025. — Vol. 60. — № 2. — P. 613–630. — DOI 10.31185/eduj.Vol60.Iss2.4518.
8. Al-Momani, K. A semiotic analysis of political cartoons in Jordan in light of the Arab Spring / K. Al-Momani, M. A. Badameh, F. Migdadi // Humor. — 2017. — Vol. 30. — № 1. — P. 63–95. — DOI 10.1515/humor-2016-0033.

9. Dugalich, N. M. Political cartoon as a genre of political discourse / N. M. Dugalich // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. — 2018. — Vol. 9. — № 1. — P. 158–172. — DOI 10.22363/2313-2299-2018-9-1-158-172. EDN YVXKRO.

10. El Rafaie, E. Understanding visual metaphor: the example of newspaper cartoon / E. El Rafaie // Visual Communication. — 2003. — Vol. 2. — № 1. — P. 75–95. — DOI 10.1177/1470357203002001755.

11. Kress, G. Reading images: The grammar of visual design / G. Kress, T. van Leeuwen. — 2nd ed. — London: Routledge, 2006. — 321 p. — DOI 10.4324/9780203619728.

12. Merkouraki, M. Mapping the Trump-Harris First Presidential Debate: Narratives of Trumpism Propagation Rattle Voters' Ontological Security / M. Merkouraki, K. Tzioti // Journal of Social and Political Sciences. — 2024. — Vol. 7. — № 4. — P. 45–62. — DOI 10.31014/aor.1991.07.04.522. — EDN UFEVQP.

13. Mielczarek, N. The Trump Presidency in Editorial Cartoons / N. Mielczarek. — Lanham: Lexington Books, 2023. — 171 p. — ISBN 978-1-6669-1216-6.

14. Morales Dominguez, L. The treason of the Trump: analysis of the USA president's position on the Ukraine War during the first half of 2025 in the western political cartoon / L. Morales Dominguez, D. Fuenteferia Rodriguez // Revista de Comunicación. — 2026. — Vol. 25. — № 1. — P. 273–296. — DOI 10.26441/rc25.1-2026-4211. — EDN LIOEWK.

15. Negro Alousque, I. Visual metaphor and metonymy in French political cartoons / I. Negro Alousque // RESLA. — 2013. — Vol. 26. — P. 365–384.

16. Pavlina, S. Y. British and American Political Cartoons in Sociocultural Context / S. Y. Pavlina // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. — 2025. — Vol. 16. — № 1. — P. 61–76. — DOI 10.22363/2313-2299-2025-16-1-61-76. — EDN PKSTWQ.

17. Pinar-Sanz, M. Humour and intertextuality in Steve Bell's political cartoons / M. Pinar-Sanz // The European Journal of Humour Research. — 2020. — Vol. 8. — № 3. — P. 16–39. — DOI 10.7592/EJHR2020.8.3.Pinar-Sanz. — EDN BWJWJU.

18. Seymour-Ure, C. What Future for the British Political Cartoon? / C. Seymour-Ure // Journalism Studies. — 2001. — Vol. 2. — № 3. — P. 333–355. — DOI 10.1080/14616700120062202.

19. Tsakona, V. Language and image interaction in cartoons: Towards a multimodal theory of humor / V. Tsakona // Journal of Pragmatics. — 2009. — Vol. 41. — № 6. — P. 1171–1188. — DOI 10.1016/j.pragma.2008.12.003.

20. Van Leeuwen, T. Multimodal Discourse Analysis / T. van Leeuwen // The Routledge Handbook of Discourse Analysis / eds. J. P. Gee, M. Handford. — London: Routledge, 2011. — P. 120–137. — DOI 10.4324/9780203809068.ch9.

REFERENCES

1. Abramova, E. S. (2014). Massmediynnyy diskurs: sushchnost' i osobennosti = Mass media discourse: essence and features. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 12(42), Part I, 17–19.
2. Andreeva, E. Yu. (2025). Donald Trump v zerkale russkoyazychnykh media: freymirovanie, polyarizatsiya i formirovanie obshchestvennogo mneniya = Donald Trump in the mirror of Russian-language media: framing, polarization and formation of public opinion. *Political linguistics*, 5, 19–24.
3. Denisova, G. L. (2018). The category of time in political cartoons. *World of Linguistics and Communication*, 3, 51–69. EDN YLAHLN.
4. Kovalev, N. A. (2026). Kontsept COLD WAR v vizual'nom angloyazychnom politicheskom diskurse: semioteskaya reprezentatsiya i pragmatika internet-memov i politicheskoy karikatury (2020–2025 gg.) = The concept of COLD WAR in visual English-language political discourse: semiotic representation and pragmatics of internet memes and political cartoons (2020–2025). *Philological sciences in MGIMO*, 12(1), 8–28.
5. Novak, D. V. (2024). Formirovanie mediaobraza politika = Formation of the media image of a politician. *Young scientist*, 17(516), 380–382. EDN QKTJXF.
6. Chudinov, A. P. (2006). Politicheskaya lingvistika = Political linguistics. Textbook. Moscow: Flinta, 256 p. ISBN 5-89349-897-9.
7. Abd Ali, H. N. (2025). A Multi-modal Critical Discourse Analysis of Selected English Political Cartoons. *Journal of Col-*

lege of Education, 60(2), 613–630. DOI 10.31185/eduj. Vol60.Iss2.4518.

8. Al-Momani, K., Badameh, M. A., Migdadi, F. (2017). A semiotic analysis of political cartoons in Jordan in light of the Arab Spring. *Humor*, 30(1), 63–95. DOI 10.1515/humor-2016-0033.

9. Dugalich, N. M. (2018). Political cartoon as a genre of political discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(1), 158–172. DOI 10.22363/2313-2299-2018-9-1-158-172.

10. El Rafaie, E. (2003). Understanding visual metaphor: the example of newspaper cartoon. *Visual Communication*, 2(1), 75–95. DOI 10.1177/1470357203002001755 (In English).

11. Kress, G., van Leeuwen, T. (2006). Reading images: The grammar of visual design. 2nd ed. London: Routledge. 321 p. DOI 10.4324/9780203619728.

12. Merkouraki, M., Tzioti, K. (2024). Mapping the Trump—Harris First Presidential Debate: Narratives of Trumpism Propagation Rattle Voters' Ontological Security. *Journal of Social and Political Sciences*, 7(4), 45–62.

13. Mielczarek, N. (2023). The Trump Presidency in Editorial Cartoons. Lanham: Lexington Books. 171 p. ISBN 978-1-6669-1216-6.

14. Morales Dominguez, L., Fuenteferia Rodriguez, D. (2026). The treason of the Trump: analysis of the USA president's position on the Ukraine War during the first half of 2025 in the western political cartoon. *Revista de Comunicación*, 25(1), 273–296. DOI 10.26441/rc25.1-2026-4211.

15. Negro Alousque, I. (2013). Visual metaphor and metonymy in French political cartoons. *RESLA*, 26, 365–384.

16. Pavlina, S. Y. (2025). British and American Political Cartoons in Sociocultural Context. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 61–76. DOI 10.22363/2313-2299-2025-16-1-61-76.

17. Pinar-Sanz, M. (2020). Humour and intertextuality in Steve Bell's political cartoons. *The European Journal of Humour Research*, 8(3), 16–39. DOI 10.7592/EJHR2020.8.3.Pinar-Sanz.

18. Seymour-Ure, C. (2001). What Future for the British Political Cartoon? *Journalism Studies*, 2(3), 333–355. DOI 10.1080/14616700120062202.

19. Tsakona, V. (2009). Language and image interaction in cartoons: Towards a multimodal theory of humor. *Journal of Pragmatics*, 41(6), 1171–1188. DOI 10.1016/j.pragma.2008.12.003.

20. Van Leeuwen, T. (2011). Multimodal Discourse Analysis. *The Routledge Handbook of Discourse Analysis* (Eds. J. P. Gee, M. Handford), 120–137. London: Routledge. DOI 10.4324/9780203809068.ch9.